

ДОРОГА СМЕРТИ

Мой адвокат говорит, что, даже если мы решим врать под присягой, нужно помнить, в чем именно заключается правда. И что лучше всего записать для себя, как именно все было на самом деле. А дело было так.

*

Никогда раньше мне не приходилось видеть в газетах сообщение о смерти и фотографию человека, с которым я был лично знаком. Да, знаю, что в этой стране такого не бывает. Ведь со всеми нашими войнами и операциями рано или поздно на первой полосе газеты ты увидишь фотографию человека, с которым вместе учился в школе. Или служил в армии.

Но нет. Как-то мне удалось дотянуть до середины жизни и не испытать ничего подобного. Может быть, именно из-за этого меня так сильно бросило в дрожь. Обычно говорят «дрожь», когда не получается подобрать более подходящего слова, на самом деле у меня похолодели лопатки. И копчик. Я весь похолодел, глядя на маленькую фотографию, которая была даже не на первой полосе,

а на одной из последних, рядом с некрологами. Смотреть второй раз не было нужды. Это он. Тогда, в Ла-Пасе, мы провели вместе всего несколько часов, но его лицо врезалось мне в память. Точеный нос. Глаза — даже на черно-белом снимке в газете было видно, насколько они светлые. Бородка — на вид как будто монашеская.

В краткой заметке под фотографией сообщалось, что Ронен Амиров, двадцативосьмилетний израильский турист, погиб в аварии на Дороге Смерти в Боливии, во время медового месяца. Его велосипед, как там было написано, не удержался на дороге и упал в пропасть. Его жена, Мор Амиров, находилась рядом и вызвала помощь, но, когда спасатели приехали, им ничего не оставалось, кроме как констатировать смерть. Тело отправлено в Израиль. Похороны состоятся в ближайшие дни.

Плакать над этим объявлением я не собирался. В тот момент у меня в жизни были гораздо более существенные поводы горевать, чем смерть этого парня, — тем более что я едва его знал. И вообще, я редко плачу. Я плакал, когда родилась Лиори — точнее, когда ее впервые положили на меня. Плакал в первую ночь без Лиори, в новой квартире, когда мы говорили с ней по телефону и она попросила меня прийти к ней во сне. Вот, кажется, и все.

Может быть, каждый раз, когда мы плачем, явным становится все, что раньше было скрыто. Как налоговая квитанция, которую тебе присылают раз в год.

Дорога Смерти

Так или иначе, спустя несколько дней якобы-колебаний — таких, когда в душе ты уже все решил, — я поехал на шиву¹. Но, только выбравшись из тель-авивских пробок и выехав на авто-страду, я заметил, как волновался, перед тем как снова увидеть Мор из Ла-Паса.

Дурацкое слово — «волновался». Всякий раз, когда я провожу семинары, в конце люди говорят мне: ах, было так волнительно. И чем чаще я такое слышу, тем меньше это меня волнует. Скорее я был... взбудоражен. Вот это слово я ищу. Чем ближе к цели, тем более взбудораженным я был. Живот у меня свело, как после тренировки. Мысли будто утягивались в открытое окно. Музыка, которая лилась из радио, влетала в одно ухо и тут же вылетала из другого. И все ярче мне вспоминалось, как две недели назад Мор неожиданно ночью пришла ко мне в комнату.

*

Она заговорила со мной на улице. Спросила по-английски с израильским акцентом, не знаю ли я, как пройти в кафе-мороженое Хуана. На секунду я задумался, не поддержать ли игру, ответив по-английски, но что-то в ее взгляде, видимо, подействовало на меня сразу же. Я ответил ей на иврите, что как раз иду туда и они с ее другом могут составить мне компанию.

---

¹ *Шива* (от ивр. «семь») — традиционный вид траура, распространенный и в современном Израиле: семь дней после смерти человека его родственники проводят дома, а друзья и знакомые приходят утешать их. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Эшколь Нево

У нее загорелись глаза, она дотронулась до моего плеча — украдкой, двумя пальцами, быстро, как электрический разряд, и сказала:

— Израильтянин? Ничего себе. Никогда бы не подумала, с твоим-то ростом.

— Да, — сказал я. — Знаю. Многие так говорят. И я не совсем... в подходящем возрасте. В смысле, для путешествия после армии¹.

— А что? Сколько тебе лет?

— Тридцать девять, — признался я.

— Тебе столько не дашь, — отрезала она. В ее словах не было флирта. Просто факт.

Ее друг, который до этого момента молчал, протянул мне руку.

— Ронен, — сказал он официальным тоном, который как-то не подходил для бэкпэкеров².

— Омри, — сказал я и протянул руку в ответ. — Приятно познакомиться.

— А я Мор. Привет! — сказала она. Ее рука осталась прижатой к телу.

— У нас тут свадебное путешествие, — сообщил Ронен и приобнял ее.

Не только приобнял, но и прижал к себе, как будто говоря: она моя.

— Поздравляю, — сказал я и улыбнулся, стараясь, как семейный психолог, смотреть сразу

---

¹ В Израиле почти всеобщая воинская повинность, в армии служат мужчины и женщины. После службы принято отправляться в путешествие — на срок до года. Многие израильтяне стараются поехать в отдаленные страны (в Индию, страны Латинской Америки и т. д.).

² *Бэкпэкеры* — туристы, путешествующие с большими рюкзаками (часто они ездят автостопом, ночуют в палатках и т. д.).

Дорога Смерти

на обоих, не задерживаясь взглядом на одном из них.

— А ты? — поинтересовалась Мор, когда мы отправились в путь. — Что ты тут делаешь «в неподходящем возрасте»?

— У меня путешествие после развода, — ответил я.

— Вау, — покосилась она на меня. — Оригинально!

Ронен ничего не ответил. У него была острая бородка, хорошо подстриженная, он недовольно ее поглаживал. Как будто мы нарушили какое-то неписаное правило вроде «не разговаривать на ходу».

Потом в кафе он заказал ванильное мороженое. А она сначала попросила попробовать несколько видов и в конце концов выбрала карамель. Потом я тоже сделал заказ и расплатился, говоря по-испански. Уже неделю я изучал язык, и мне нравилось перекатывать во рту непривычные слова.

— Как красиво ты говоришь! — Мор повернулась ко мне с ложечкой мороженого в руке.

— Это не бином Ньютона, я здесь учусь на курсах, — ответил я.

— И тем не менее, — сказала она и улыбнулась.

В ее улыбке не было ничего особенного. Больше всего она напоминала мне улыбку старшеклассницы женской религиозной школы. Скромная. Стыдливая. Вообще, если бы в тот момент меня спросили, я бы с уверенностью ответил, что

она религиозна. Или была такой в прошлом. Большие сережки. Преувеличенная жизнерадостность. Кудри собраны под платок. Толстовка и шаровары. Как-то я проводил мастер-класс в религиозной школе в Кармиэле, и девушки там выглядели именно так. А с другой стороны, было что-то такое во взглядах, которыми она меня одаривала, когда Ронен не видел. Что-то смелое, почти отчаянное, но в рамках. Голод, что ли. Вот это слово я искал. Ее взгляд был голодным. Чего именно ему не хватало? Об этом я пока не знал.

Мы принялись за мороженое. Сколько времени нужно, чтобы съесть мороженое? Пять минут? Десять? Даже мороженое она облизывала, как царская дочь, которая величава в покоях своих¹. Аккуратно, с чувством меры, кончиком языка, не обходя вниманием ни одной стороны конуса.

Мы вели праздный разговор путешественников. Точнее, мы с ней разговаривали, а Ронен сосредоточенно, как исследователь, смотрел на свое мороженое, будто пытался рассчитать алгоритм, управляющий темпом его таяния.

Мор сказала: мы начали в Боливии, а теперь в раздумьях, куда бы поехать дальше. Я сказал, что слышал много рекомендаций о Перу. Она сказала: да. Но в ее голосе сквозило сомнение, как будто она не была уверена, что рекомендации других имеют для нее практическую значимость.

— Сколько у вас времени? — спросил я.

---

¹ Аллюзия на стих из Псалмов (45: 14, в синодальном переводе — 44: 14). Традиционно этот стих понимается как предписание женщине оставаться дома и заботиться о семье.

Дорога Смерти

— Полтора месяца.

— Очень завидую.

— Почему? А сколько времени у тебя?

— Максимум две недели, — ответил я, — больше не смогу. Из-за дочки. Меня и так раздирает от тоски по ней. А еще есть работа. На самом деле даже две недели — это слишком.

— Вау, — сказала она, бросила на меня еще один голодный взгляд и положила голову на плечо Ронену, как будто закапываясь туда, — было видно, что это движение она делала уже тысячи раз.

А он все смотрел на тающее мороженое. И молчал.

*

Потом они вдвоем проводили меня до хостела. Точнее, они хотели добраться до Рынка Ведьм, а это было по дороге.

Я остановился на тротуаре, рядом с открытой входной дверью.

Мор сказала: тут очень красиво. И встала на цыпочки, чтобы увидеть, что там за моим плечом, будто заглядывая за стену запретного города.

Я тоже кое-что подглядел — посмотрел на полоску кожи, которая открылась, когда ее толстовка немного задралась наверх, — и сказал:

— Внутренний двор красивый, комнаты так себе.

А Ронен сказал — это был первый раз, когда он обратился ко мне:

— Ладно, так... мы точно еще встретимся в центре.

Эшколь Нево

Я сказал: да.

И все. Ни объятий, ни поцелуев в щечку, ни любопытных взглядов, ни внезапного поворота кудрявой головы после прощания. Ничто не намекало на то, что случится дальше.

*

На перекрестке Кабри¹ я повернул направо.

Судя по указателю, до их поселка оставалось пятнадцать километров.

Я подумал, что картонных табличек с нарисованными стрелочками и подписью «на шиву» не бывает. Только «на свадьбу».

И притормозил. Я ехал по автостраде со скоростью всего семьдесят километров в час, как будто пытаюсь отсрочить прибытие. Или выиграть время для воспоминаний.

*

В дверь моего номера в хостеле постучали вскоре после полуночи. Я как раз поговорил по видеосвязи с Лиори — она рассказывала, что вчера на перемене снова была одна, и спросила, не делаю ли я в путешествии чего-нибудь опасного, а я успокоил ее: нет, вовсе нет, — и предложил сыграть в битбокс² по телефону; поднес, как всегда, кулак ко рту, чтобы дать основную тему, и мы

---

¹ Перекресток на севере Израиля, в 5 километрах к востоку от Нагарии.

² *Битбокс* — жанр музыки, исполнители которого имитируют голосом, языком, губами и т. д. звуки разных инструментов.

Дорога Смерти

стали придумывать рифмы к ее имени: Лиор-Лиор, вот какой в тебе задор, в жизни есть всегда простор, ты всем бедам дай отпор, — но не успели мы войти в ритм, трубку взяла Орна и сказала, что они опаздывают в школу, а девочке еще надо причесаться; и тогда мы с Лиори приблизили губы к экрану и громко чмокнулись. Потом я лег в постель, утомленный от усилий изображать ради нее, что мне весело, и подумал: ну а чего ты ожидал, идиот, что в тридцать девять лет ты сможешь путешествовать без забот, как после армии? Взял книжку Сэлинджера — я настоял, чтобы после развода она осталась у меня, — «Выше стропила, плотники» — и стал читать с того места, где остановился прошлой ночью.

Я люблю ритм повествования Сэлинджера, и поначалу стук в дверь органично соединялся с этим ритмом. Но потом было несколько секунд тишины — и стук возобновился, на этот раз сильнее, чем раньше. С синкопой. Я открыл, на пороге стояла она. Девушка из кафе-мороженого. В лосинах и обтягивающей клетчатой рубашке — совершенно светский вид. Можно войти, спросила она и прошла мимо, не дожидаясь ответа. До меня донесся запах волос, недавно вымытых. Запах женщины. Я спросил ее, не хочет ли она чего-нибудь выпить, и тут же извинился: у меня в комнате толком ничего нет. Просто я привык предлагать гостям выпить, сказал я и вдруг вспомнил: а, секунду, у меня есть вода.

С удовольствием, ответила она. Я протянул ей бутылку. Она стала жадно пить — так приклады-

ваются к бутылке пива, чтобы набраться смелости, а потом присела на краешек моей кровати и сказала: можно у тебя кое-что спросить?

Да, конечно, ответил я. И тоже сел на кровать, но подальше от нее. Что-то в ней говорило: ближе не надо. Я прислонился спиной к стене и вытянул прямые ноги, но не слишком сильно. Следил, чтобы мои стопы не коснулись ее бедер.

Она заправила волосы за уши, так что стали видны ее сережки, и только потом повернула голову ко мне и спросила:

— Ты знал заранее?

Мне показалось, что я понял, о чем она. И все же, чтобы выиграть время, я притворился дурачком:

— Знал заранее о чем?

— Что у вас не получится, у тебя и... твоей жены. То есть... до того как вы поженились или хотя бы в первый год после этого — было заметно, что?..

— Слушай, ну... — прошептал я. И осекся. Я понятия не имел, что сказать.

Тогда она встала и начала ходить по комнате. Комната была маленькая, так что свободного места оставалось немного. Раскрытый чемодан, письменный стол, корзина для бумаг, свободный простенок, две пары ботинок на полу, одна из них покрыта засохшей грязью. Она ходила между всем этим, ее щеки покраснели, сережки прыгали, она двигалась завораживающе — это было похоже на танцевальное шоу. Танец растерянности. Она собирала волосы и снова распускала, взяла с моего

Дорога Смерти

стола ручку и стала нажимать на кнопку, кружилась на каблуках и чуть не налетела на чемодан, но в последнюю секунду обошла его, подтягивала рубашку наверх и ритмично похлопывала себя по лосинам, как будто отбивала ритм для своего танца, и между делом говорила, обращаясь то ко мне, то к себе самой: я очень извиняюсь, мне не стоило приходить сюда, что это вдруг я свалилась тебе на голову посреди ночи, ты ведь вообще со мной незнаком, забей, забудь, я сейчас уже уйду, ох, как стремно...

— Не уходи, — попросил я.

Она прекратила ходить по комнате. Села. Скрестила руки. Не глядя на меня. У нее были красивые пальцы. Фиолетовый лак подходил по цвету к рубашке.

— Это долгая история, — сказал я.

— Да. — Ее губы сложились в нерадостную улыбку. Она устала на мои кеды.

— И... я не хочу вываливать перед тобой все. Поэтому я не ответил прямо.

— О'кей. Я уж думала, что напугала тебя.

— И... Все еще слишком свежо. Я до сих пор не могу взглянуть на это со стороны.

— Когда вы вообще расстались? Это... ничего, что я спрашиваю?

— Три месяца назад.

— Действительно свежо, — сказала она и снова отхлебнула воды. Глоток поменьше.

Я взял у нее бутылку и тоже сделал глоток.

— Думаю, что... нет, знаешь что, нет, я не знал заранее, — сказал я.

Мор медленно кивала, и мне показалось, что так она выражает свое разочарование.

— Но это не значит... что нет вещей, которые понимаешь только постфактум.

— Например что? — Она повернулась ко мне всем телом.

— На-при-мер, — я растягивал слова, чтобы выиграть время для размышления, — ну, вот поскольку сейчас я путешествую, я вспомнил кое-что, что произошло с нами во время путешествия после армии.

— А куда вы поехали?

— Мы долго колебались: то ли поехать в Австралию, то ли на Восток, и в конце концов выбрали Восток — денег было маловато. И вот как-то утром я просыпаюсь в гестхаусе в Дхарамсале¹, вижу, что ее в кровати уже нет, иду на завтрак и обнаруживаю ее там: сидит в одиночестве, со скорбным лицом. И не успеваю я заказать у стойки кофе — она выпаливает: надо было поехать в Австралию. Почему? Выясняется, что за завтраком она сидела с каким-то Крокодилем Данди², который заливался соловьем про австралийские пустыни, и теперь она не может отойти от впечатления. Но, любимая, говорю я ей, над тобой Гималаи, у твоих ног — самая красивая в мире долина...

— Там правда красиво. Я видела фотографии.

---

¹ Столица штата Химачал-Прадеш на севере Индии.

² Герой фильма П. Файмана «Крокодил Данди», австралийский охотник, который покоряет сердце нью-йоркской журналистки, приехавшей написать о нем репортаж.

Дорога Смерти

— Вот именно! Так я сказал ей: ну сейчас-то уже какая Австралия? А она уперлась: надо было поехать в Австралию, Омри.

— И это был тревожный звоночек?

— Тогда я этого не понял. Но постфактум... Она всегда была недовольна. Работой — неважно, что это была за работа. Домом, в котором мы жили, — неважно, какой это был дом. Воспитательницей Лиори. Учительницей. Ей всегда казалось, что лучше там, где нас нет. У нас была дежурная шутка, что я — единственное, что она не меняет.

— А в конце случилось именно это.

— Не совсем.

В этот момент, насколько я помню, Мор уже лежала поперек моей двуспальной кровати. Ее поза выигрышно подчеркивала красоту фигуры, но казалось, что она этого не осознает. Что она не нарочно.

— В каком смысле «не совсем»? — спросила она. И оперлась подбородком на согнутую ладонь. Посмотрела на меня так, как будто каждое слово, которое я сейчас произнесу, будет наделено для нее невероятно важным смыслом.

— Отношения — это вроде как... джунгли, — ответил я. — Все переплетается, и трудно понять, где причина, а где следствие. Проще всего обвинить другого. Но это вранье. Я виноват... я был виноват в этом не меньше. Нужно научиться жить вместе с человеком, который почти все время недоволен. И я отдалился от нее, как будто недовольство заразно. Было и другое, о чем нель-

зя было знать заранее. Наша дочь... ну, скажем так, она... очень чувствительна. Входит в один процент самых чувствительных. И... мы оба менялись, каждый шел в свою сторону, и... не знаю, может быть, прожить пятнадцать лет вместе и не убить друг друга — это уже достижение, а не провал? Сорри, ты наверняка ищешь четких ответов... а их у меня пока нет.

— Ничего страшного, ты мне очень помог, — сказала она и посмотрела мне прямо в глаза.

— Правда?

Я немного распрямил ноги, и теперь мои шерстяные носки едва не касались ее тонкой талии.

— Правда-правда.

Мы помолчали, глядя каждый на свою точку на стене. И я подумал: как странно и красиво, что мы едва знакомы — а у нашего разговора уже есть свой ритм. В том числе и у этого молчания. Оно наступило как раз вовремя.

И еще я подумал, что после развода встречался с таким большим количеством людей — учеников, друзей, коллег, два раза даже ходил к психологу — и ни с кем из них не испытывал этого редкого чувства: сейчас на свете есть только я и этот человек.

И я подумал, что у Мор пухлые щеки и что, может быть, я единственный мужчина на свете, кому такие щеки кажутся сексуальными.

— Не знаю, что еще тебе сказать, — произнес я спустя четыре такта. — На самом деле мне еще почти ни с кем не приходилось обсуждать развод. Так — точно нет.

Дорога Смерти

Мор снова подняла на меня глаза. Ее взгляд был теплым, но не до конца понятным. Она не придвинулась ко мне ни на миллиметр и продолжала почесывать ногтями свои лосины — такое впечатление, что скорее это был тик, а не настоящий зуд. Да, и еще: хотя она и лежала поперек кровати, но так и не сняла обувь. Она болтала ногами, свесив их с кровати сантиметров на двадцать.

Я подумал, что, если она разуется, это будет знак. Но я не был уверен, что хочу, чтобы она разулась. Существуют фантомные боли — их чувствуют солдаты там, где у них ампутировали часть тела, — так вот, мне казалось, что после развода у меня фантомная моногамия: я знал, что должен наслаждаться своей новообретенной свободой, но ни разу еще этой свободой не воспользовался. Проведя пятнадцать лет с одной женщиной, я не мог даже вообразить себя в интимных отношениях с другой. Это меня даже напрягало. Я не был уверен, что физиологически у меня все получится.

Наконец — весь ее визит продлился не более часа — Мор встала с кровати и сказала:

— Мне пора возвращаться, Ронен может случайно проснуться.

— Погоди-ка. — Я вскочил за ней. — Ты не расскажешь мне, откуда вдруг взялись все эти вопросы?

— Не могу, — сказала она.

— Так нечестно.

Я надул губы, как обиженный ребенок, а она сказала:

— Сорри, — и улыбнулась, но тон ее был серьезным. — Это для меня равносильно измене.